

ЭТО БЫЛ ТЫ

ЕНАТЕРИНА МАЕВСКАЯ
Родилась в Москве в 1987 году. С отличием окончила Российский государственный университет нефти и газа имени М.И. Губкина и Институт журналистики и литературного творчества (диплом — сборник рассказов «Чужие небеса»).

Занималась в творческих семинарах Льва Аннинского, Леонида Бенина, Игоря Волгина, Евгения Жаринова. Печаталась в альманахе «Этажерна», «Литературной газете», «Независимой газете», журнале «Дружба народов» и др. Член Союза писателей Москвы.

6 мая с. г.

«Давеча ко мне в окно залетела синица. Дурная примета. К смерти.»

Залетела сквозь чуть приоткрытую створку, миновав решетку. Очень хотела попасть. И посмотрела на меня так, что стало ясно — за мной».

Бедный, испуганный, пернатый бился между занавеской и стеклом.

— Тише, милый, тише, — сказала она, — не бойся, лети скорее, — и распахнула окно.

Он посмотрел на нее чуть искоса и выпорхнул.

Все в доме спали. Было раннее утро. А Вера не могла заснуть. В ушах стоял тот жуткий звук, что разбудил ее, — хлопанье крыльев, долгое и отчаянное.

Она повернулась к мужу — и, прижавшись щекой к его теплой широкой спине, вдохнула глубоко-глубоко. Как животные узнают друг друга по запаху, так она узнала бы его из тысячи. Не могла надыхаться. Поцеловала и провалилась в дремоту. Порой, когда ему часами не спалось, Вера обнимала его так — и он засыпал, как засыпают дети, когда их согревает мать. Это было лучшим из ее предназначений. Даже если бы оно было единственным, ей все равно стоило бы родиться. Несмотря на долгий брак, детей у них не было — не случилось. И чем дальше они оставались вме-

сте, тем яснее она понимала, что ей не нужен никто. Только Герман, только его заботы, его неприспособленность к миру — даже первобытный страх при соприкосновении с ним. Кто-либо третий в одночасье разрушил бы это благополучие.

Вера любила все, что делал Герман. В основном круг его интересов составляла эпоха Возрождения — он считался одним из лучших искусствоведов. Но, подобно строгой матери, она крайне редко хвалила его. Она прочитывала тексты Германа первой — в самый момент создания, — набирая их. И последующие многочисленные правки возникали от ее рук на клавиатуре — под все ту же диктовку. Пока он не заканчивал работу над очередной главой или частью книги, он не позволял ни себе, ни ей переключиться на что-то другое. Вера занималась Средневековьем, в частности орденом тамплиеров и лакунами в биографии магистра ордена Жака де Моле. Но сил на себя не оставалось. И никакой крестовый поход детей, о коем она много лет мечтала закончить работу, начатую еще в студенчестве, ей не светил.

Ей было тяжело, пока она не поняла окончательно, что по-другому просто не будет.

А еще в его жизни, помимо общественных забот и любимого дела, были посторонние. Много посторонних. О них он почему-то с особым рвением, по двадцать пятому разу, любил рассказывать ей,

даже не подозревая, как довольно глупо выглядел он тогда.

- В моей жизни были женщины...
- Ради бога, сколько угодно. Дело твое.
- Не родился же я с появлением тебя!
- Действительно. Вот и оставь это при себе...
- Поразительно. Это же биография!
- Никто у тебя ничего не отнимает.
- Это моя жизнь, – заявлял он недвусмысленно.
- ...А где же тогда моя? – спрашивала Вера.
- Ты отделяешь свою от моей? – продолжал он. – Ну, что тут говорить? Если ты отделяешь свою от моей... У меня было много чего до тебя. И я не собираюсь...
- Тогда у меня будет много чего при тебе, – перебила его разозлившаяся Вера.

Перетирать это снова и снова становилось уже невыносимо.

- Давай, давай...

У обоих было обыкновение сказать что-нибудь друг другу назло. И никто не останавливался первым. Так и приключалось – стенка на стенку. И расходились по комнатам. Но расставание не было долгим. Вера знала, что через час, может, чуть больше, у него вырубится интернет или он нажмет что-то не то в телефоне – и это заставит его прийти первым. И он приходил – как ни в чем не бывало – начинал просто: «Вот – не работает что-то...»

- Надо починить? – сдерживая улыбку, спрашивала Вера, но Герман уже видел: глаза ее подобрили.
- Надо починить... – и поджимал губы.

И она чинила. А потом – когда оба засиживались допоздна – наступал момент, Вера подходила к нему неслышно, обнимала за плечи, целовала седую голову, называла ревностного трудягу дурилой, и время замирало вокруг.

12 мая с. г.

«Тревожно и тяжело на душе. Сердце не на месте с тех пор, как в окно залетела синица. Даже бумага устала от упоминания крылатой особи. Ругать по латыни. Устала и я – думать об этом. Да что там... Расставаться не хочется.»

13 мая с. г.

«Постоянно вспоминаю Гл. Сижу в какой-то пустоте, слезы льются сами собой. Время не лечит.»

Один человек, кого в дневнике она называла «Гл.», появился в их жизни случайно. Его звали Глеб. Их познакомили общие друзья – Глеба ин-

тересовала довольно редкая гравюра 16-го века, доставшаяся Герману по наследству, которую он хотел бы приобрести для своей коллекции.

- Вы офицер? – спросила его Вера в день их знакомства.
- Кто вам успел рассказать? – удивился он.
- Вы, – ответила она. – У вас лицо русского офицера. – Она почему-то представила его в черном кителе конца 19-го века с золотыми эполетами и орденом в петлице.
- Полковник. В отставке.
- Он улыбнулся несколько смущенно, коснулся шрама над бровью, но тут же убрал руку.
- Я позвоню вам, – проговорил он, чуть помедлив, добавил: – По делу.
- Конечно. По делу... – повторила она. – Буду ждать.
- По поводу окончательного решения Германа... Насчет гравюры.
- Насчет гравюры.

И он позвонил. На следующий же день. Вера лишь повторила ему то, что накануне сказал Герман: гравюру он продавать вовсе не намеревался. Глеб не настаивал. Сменил тему. А после всякий раз постоянно находил предлог набрать ее номер. Пока она совершенно не привыкла слышать его голос.

Потом он придумал уместный повод увидеться – без Германа – просто, вдвоем. Им только стоило начать говорить, как оба не умолкали.

Всякий раз, когда они расставались, Вера не могла перестать улыбаться. Такого не случалось с ней давно. Уже почти подходила к дому и долго стояла у подъезда, не зная, как оставить это выражение лица здесь, внизу, и подняться домой. И в один вечер, как нарочно, Герман вышел ей навстречу – с собакой.

- Нагулялась? – спросил он.
- Ужинал? – спросила она.

На следующий день Вера с удивлением открыла дверь курьеру, которого не ждала вовсе.

- У меня букет – для Веры.
- Она, как девчонка, вбежала в кабинет к Герману, обняла и принялась расцеловывать.
- Да что с тобой в самом деле? Я же вообще-то работаю...
- Спасибо, спасибо... Безумно приятно.
- Да что случилось? Ты меня удушишь в объятиях. Всегда бы так. За что спасибо-то?
- Спасибо за цветы... Мне давно таких не дарили.

- Принесли? – сдержанно поинтересовался он.
- В прихожей.

Он молча встал и пошел в прихожую. Вера последовала за ним. Букет из несчетного количества бутонистых роз еле поместился на придверной банкетке.

- Неужели ты думаешь, что я способен на такую дерзость? – холодно проговорил он и удалился к себе.

Не последовало ни ссоры, ни объяснений.

- Давай уедем, Гер, – сказала она вдруг через несколько дней. – На месяц, на море – да куда угодно.
- Среди года? Надо подумать... – замялся Герман.
- Давай. Проведешь семинары, встречи дистанционно. Хотя бы на пару недель. Или просто погулять. Может, в Париж?
- Лучше на море.
- Посмотрю рейсы...
- Подожди, куда ты все так спешишь? Надо же...

Вера поцеловала его, не дав договорить. Он хотел продолжить, но она поцеловала его снова. И снова.

- Не понимаю, неужели нельзя просто взять и послушать меня... и уехать.

А потом спросила вдруг:

- Гер, ты любишь меня?

Она смотрела на него, он – на нее. Она даже коснулась ладонью его щеки – чтобы он не отвел взгляд. Герман улыбнулся мечтательно и спросил в ответ:

- А куда на море-то?

13 мая с. г.

«Странное ощущение. Как во сне. Будто нужно прошагать по канату, натянутому над бездной. Без начала и конца. Удержать равновесие, раскинув руки. Не глядя вниз. Точно смерти нет».

- ...Оставь Германа, – сказал Глеб, – оставь его.
- Это прозвучало так категорично, что страшно было послушаться. Вера промолчала.
- Мы куда-то идем? – спросила она, когда его водитель остановил машину на Петровке и включил аварийку.
 - Да.
- Вера посмотрела вопросительно.
- Купим кольца, – сказал он сухо.
 - Оттого, что мы купим кольца, мужем и женой мы не станем, – тихо добавила она. – Не нужно этого делать.

- Ты хочешь, чтобы тебе и дальше позволяли просто быть при себе? – спросил он резко. – Да он... Да он должен был бы бросить все к твоим ногам! Все! – выпалил Глеб, не называя теперь имени Германа. – Посмотри, какая ты! Я решу все – только одно твое слово. Для меня невозможного нет.

- Ты, верно, забыл о своей жене тоже. Нельзя вокруг себя оставить выжженное поле и просто жить дальше. Я не смогу, – проговорила она еле слышно, поцеловала его в щеку и вышла из машины. – Не провожай.

Снег сыпал и сыпал беспорядочными хлопьями. Предновогодняя Москва укуталась в белую вату. Вера хотела поскорее скрыться в этой метели. Еще немного – и, возможно, он уговорил бы ее. Показалось, они не увидятся больше. Но через пару дней он попросил о встрече. Они ужинали как ни в чем не бывало – больше не говорили о будущем, будто его нет. С ним было весело и легко.

- Почему ты молчишь? – спросила Вера, когда они вышли из ресторана.

Он остановился и просто смотрел на нее.

- Когда ты молчишь, я все время начинаю улыбаться и выгляжу глупо, – добавила она и улыбнулась.

- Какая ты красивая, Вера... – тихо сказал он, и пар от его слов рассеялся в морозном воздухе. Глеб попросил ее подождать пару минут, когда водитель подъехал.

- Смотри, как бьется мое сердце при виде тебя, – широко улыбаясь, говорил он, а за пазухой под шарфом и в самом деле было какое-то странное активное шевеление. – Аж выскакивает из груди! Он отодвинул воротник пальто, и Вера увидела, как две бусинки испуганно зыркнули на нее.

- Вот этот парень обещал мне охранять тебя, когда меня не будет рядом... – Глеб осторожно протянул ей крошечного щенка, который мог поместиться на ладонке. – Давай, прячь его скорее. А то простудится.

Вера, не задумавшись, укутала его в воротник шубы.

- Сумасшедший! – воскликнула она.
- Конечно. Я с первой нашей встречи сумасшедший... – прошептал он, когда она поцеловала его за подарок.

- Как вы? – Он позвонил через день.
- «Вы» – имелось в виду Вера и шен.
- Прекрасно. Каждый раз, когда он меня будит вторую ночь подряд, думаю о тебе.

- Бандит!
- Вы оба...
- Он будто видел, что она улыбалась в тот момент.
- На самом деле, все замечательно. Он просто восхитительный человек.
- Я очень рад... Ты придумала ему имя?
- Конечно! Лучшее, что можно было бы придумать.
- Тузик? – пошутил он.
- В точку. Читаешь мысли.
- Как? Как так?
- Успокойся, Тузиком можно звать только в минуты совершенно особых душевный откровений. А так он – Зевс.
- Зевс?
- Зевс.
- Значит, он победит своего Тифона.

Он действительно мог почти все. Только остаться в живых не смог. Глеб погиб. Через полгода после того дня. Он не сказал ей, куда именно поедет на несколько дней. Она смутно представляла себе, какой пост занимал Глеб. Она знала – недавно он получил новое назначение. Обмолвился просто, что в командировку. И что таких командировок, о которых она вообще не должна думать, будет, наверное, много.

- Ты можешь не поехать? – спросила она.
- Он обнял ее.
- Ну кто же поедет, если не я? – произнес он спокойно. – Не бери в голову.
- Ты ничего не говоришь. Мне тревожно за тебя. Сердце не на месте, – сказала она.
- Знаешь, – он прижал ее к себе сильнее, – когда появилась ты, я почувствовал, что все самое-самое у меня впереди. И я хочу, чтобы так было всегда. Хочу возвращаться к тебе. Пускай это немислимо и ты не хочешь ничего слышать, но надо все же решить...
- Я решила, – тихо произнесла Вера.
- Он коснулся руками ее мраморного лица, красивого и спокойного, как никогда. И добавил:
- Теперь я хочу скорее вернуться.

В той самой неотложной поездке во время совещания в кабинет прямо через форточку влетел снаряд. Не выжил никто.

В новостях в очередной дневной сводке вдруг прозвучала его фамилия. И недавнее назначение, которое он скрыл от Веры. Земля ушла из-под ног. В тот момент ей хотелось раствориться. Уйти ото

всех. Она подумала, это ошибка. Но возникло его фото на экране. Жуткий крик вырвался из груди и переродился в жуткий хрип.

Прошло немало времени, но слезы возникали сами собой, становилось трудно дышать, глазам делалось больно от света. Она старалась, чтобы Герман не видел того, что творилось с ней. Жила, работала, помогала. Он молчал. И сказал лишь однажды:

- Ты по мне так плакать не будешь.
- Она ответила ему спокойно и сдержанно:
- Если с тобой что-то случится, я просто умру.

Когда они повздорили в очередной раз, ей вспомнилось, как недавно они с Германом поругались на Пасху. Она собиралась на богослужение, Герман сказал, что не поедет. Она впервые не стала его уговаривать. Он усмотрел в этом что-то неладное и принялся ворчать ей вслед:

- Зачем вообще ты на завтра кого-то позвала?
- Потому что праздник. И я люблю этот праздник. Ты тоже любил. И мы решили с тобой это вместе – позвать друзей.
- Мне некогда будет ими заниматься, – продолжал он, набирая обороты. – Отмени.
- Отменять я ничего не буду. А то, что ты сейчас ведешь себя подобным образом, – подло.

Он перешел на крик, она в этот раз была сдержанна и холодна, что окончательно вывело его из себя.

- Иди к кому хочешь в гости и ешь там свои куличи! Мне не нужен тут никто, – проговорил он зло.

Она про себя сосчитала до пяти или до шести и ответила:

- Хорошо. Я тебя услышала.

Христос воскрес. Домой возвращаться не хотелось. Но когда вернулась, не держа зла, она поздравила Германа. Он не ответил ничего.

И на днях произошла очередная глупая ссора, и ей вдруг вспомнился тот пасхальный день – с такой ясностью и обидой, будто он закончился только что. Она слышала в своей голове не то, что он наговорил теперь, а то, что наговорил тогда, три недели назад. Несчастные куличи, о которых стыдно было даже вспомнить.

Герман спал. Вера легла, свернулась калачиком на самом краю постели, чтобы ненароком не коснуться его. А в голове проносились все куличи да куличи и бесконечные возмущения, что она, оказывается, загубила ему жизнь, что при-

мет он смерть от коня своего, и много всякой чуши, которую он повторял годами. Этот шум не кончался.

Она открыла в телефоне фотографию Глеба. Он, как всегда, смотрел на нее с нежной улыбкой и – с сожалением. Потом перелистнула на их единственное фото вместе – то самое, случайное, когда он попросил научить его делать селфи. Она была в некотором недоумении (ей казалось, он умел в жизни все), но любезно согласилась. Он дал ей свой телефон, попросил сфотографироваться с ним на фоне багрового клена и добавил: «Пусть это будет наше первое селфи». Глеб приблизился к ней, Вера занесла айфон чуть над ними. Их взгляды встретились там, на экране. И он поцеловал ее – сначала в щеку, потом в губы. А она не успела убрать палец с кнопки, чтобы перестать фотографировать.

– Приснись мне, – прошептала она.

И он приснился. Он и при жизни делал то, что она просила. Там, далеко, во сне, он стоял рядом, брал за руку и просто смотрел, не говорил ничего. И так легко было от его взгляда, что не хотелось просыпаться. Казалось, она возненавидела бы любого, кто прервал бы ее сон.

– Ты все еще спишь? – спросил недовольно Герман, вставая утром с постели.

– Все еще сплю, – ровно отвечала она, не открывая глаз и чувствуя, как Глеб удаляется.

– Ну, спи.

– ...Забыла меня? – спросил Глеб где-то там, в ее забыти.

– Что ж ты говоришь... Я каждую минуту помню тебя! – сказала она и заплакала. – Это ж был ты! На подоконнике... Сразу поняла. Это был ты... – говорила она сквозь слезы.

Он взял ее за плечи.

– Когда я увидел тебя впервые... Помнишь, я говорил это тебе, – спокойно произнес он. – Подумал, что все это не со мной. Скучаю по тебе. Очень скучаю по тебе.

– Забери меня. Я больше не могу. У меня все болит внутри. Не могу жить с этой болью. Забери... – просила она.

– *В какой день недели, в котором часу ты выйдешь ко мне осторожно? Когда я тебя на руках унесу туда, где найти невозможно?* – Он читал и читал стихи, нарочно понижая голос и даже немного хрипя.

...Потом она видела себя одну – в бескрайнем поле с переливающимися от ветра колосьями по

пояс высотой и слышала их шепот и его голос, не делавшийся тише, не удаляющийся. Она не поняла, куда он подевался вдруг. Искала глазами фигуру, которая возвышалась бы над бесконечным золотым ковром, дышавшим, точно единое существо. И увидела, наконец, уже далеко от себя. Она пошла к нему. Шла и шла, но расстояние никак не сокращалось. Она продолжала идти за ним и за голосом – то закрывая, то открывая глаза, прислушиваясь. Понимала, что не может не плакать и не может не идти. Уже не видела его – лишь горизонт, наполненный тяжелыми тучами и отделенный четкой линией от золотых колосьев, – но не останавливалась. Потому что не переставала слышать голос. Не останавливалась, пока не почувствовала, что задыхается.

Герман никак не мог разбудить жену. Начал трясти – она не реагировала. Заметил, что губы уже посинели. Она не открывала глаза, но, кажется, дышала. Он стал вызывать скорую. Вера была без сознания. Он сразу понял – сердце.

– Подожди... Пожалуйста, подожди! – Она наконец догнала Глеба.

Он обернулся.

Пошел сильный дождь. Рядом было большое дерево – увесистый дуб с широкой кроной и необхватным стволом. Они укрылись под ним.

– Ты знаешь, что, если будет гроза, молния ударит именно сюда, – сказала она.

– Знаю, – отвечал он спокойно.

Она смотрела на него и не могла насмотреться. Лицо его – со шрамами – над бровью, на щеке – не было красивым. Но таило оно в себе нечто эдакое, что хотелось смотреть и смотреть только на него. Слушать только его голос, слушать, как звал он ее по имени – казалось, никто в целом мире не произносил ее имя так. И глаза – его глаза – с заключенной слезой внутри.

– Ты бы убил меня от ревности, – прошептала она, подошла ближе и щекой прижалась к его плечу, обняла осторожно.

– Да.

– Если бы мы были вместе.

– Да.

– Даже если бы знал, что есть только ты.

– Мы не успели с тобой потанцевать, – сказал он и улыбнулся.

Улыбка у него была обезоруживающая.

Она почувствовала себя такой счастливой, когда он заключил ее руку в свою, когда обнял за

талию – чуть застенчиво; когда в этих неловких движениях они сделались чем-то единым.

Вера никак не приходила в себя. Приехала скорая. Герман метался в ужасе, глаза покраснели.

– Сделайте что-нибудь! Она не отвечает. У нее сердце...

В машине скорой она ненадолго открыла глаза. Герман сидел рядом и не успел вздохнуть с облегчением, как увидел, что она вновь потеряла сознание. Потом услышал какой-то непрекращающийся писк, исходивший от подключенных к ней аппаратов, метание врача и его резкое «Не мешайте!», затем «Разряд», «Еще разряд...». Слезы хлынули. Он вытирал их платком и не сводил глаз с бездыханного тела, которое безвольно подпрыгивало на носилках при каждом соприкосновении с дефибриллятором.

...Они танцевали. Под несуществующую музыку. Спокойно, счастливо, переминаясь с ноги на ногу – как школьники на выпускном. Она давно не испытывала такого покоя. Вдруг он чуть отстранился – чтобы просто посмотреть на нее. Смотрел, казалось, долго, пристально, как при последней прижизненной встрече, когда они еще не знали, что не увидятся больше никогда.

– Прощай, – проговорил он вдруг еле слышно и повторил: – Прощай.

Она даже не успела ничего ни спросить, ни сказать, как он больно-больно толкнул ее в грудь. Молния ударила в дерево в тот же момент и прошла через нее насквозь. Стало темно и пусто вокруг. А она будто падала и падала в эту бездну, летела с бешеной скоростью спиной вниз. Он остался там, наверху.

В то мгновение она очнулась. Сердце заработало. Реанимировали. Все вокруг было как в вате. Скорая подъезжала к больнице.

17 мая с. г.

«Вот она, смерть: пахнет холодом и медикаментами».

Она нашла глазами Германа, испуганного, заплаканного, и прошептала, еле шевеля губами:

– Люблю тебя...

Он и тогда ничего не ответил ей. Только слезы катились и катились по щекам. Он не говорил, что любит. Никогда. Не сказал и сейчас. Сделал вид, что было хотел, да вот доктор рассердился: «По-

молчите. Вам нельзя говорить». Это адресовывалось Вере, а послушался Герман.

– Когда будешь ложиться спать, не забудь взять Зевса к себе. Он маленький, он привык спать в обнимку, – проговорила Вера.

31 мая с. г.

«Не выношу, не люблю больницы. На волю хочется. На машине ездить. Посидеть в ресторане в центре Москвы... По мне – так после скорой можно было бы сразу и домой. Отлежаться (хотя – когда мне удавалось подобное? смешно) и больше не вспоминать об этом злоприключении. Гера уже думает, что мне значительно лучше, звонит – но не чтобы справиться о здоровье (якобы слышит по голосу, что иду на поправку), а чтобы набрать пару текстов, или споспешествовать ему в очередной публикации в соцсетях, или откомментировать что-либо там же... Будто и не было его слез. Ничего не было. Пока Гера не научится полноценно работать на компьютере, мне со смертью совершенно точно придется повременить. Тем более, что завтра – лето».

Первое лето без Гл.».

Она сидела на больничной постели, обмотанная проводами от холтера, с манжетой на предплечье для бесконечного измерения артериального давления и говорила со своим дневником, бывшим теперь в новой обыкновенной тетради, купленной в больничном киоске. Казалось, это снова сердце – заняло оттого, что она неловко согнулась над прикроватной тумбочкой.

Ночь была ясной, луна полной. Через час уже должно было светать. И терпкое волнение от бессонницы, приключившейся вновь, говорило, что она выздоравливала.

31 мая с. г.

«Впрочем, мир не изменится – не будь в нем меня. разве что станет несколько лучше – некому будет раздражать Германа. А кому любить – найдется. Дни будут долгими, ночи еще длиннее. Война не окончится раньше срока. Слышу, Господи, как Ты молчишь».

...Хорошо, что май кончается».

Герман приехал к ней в больницу, как только стало можно навещать. В тот день Вера на сутки была прикована к постели из-за перебинтованной бедренной артерии после коронарографии. В палату принесли обед.

– Спасибо, я не буду, – поспешила отказаться Вера.

– Не выдумывай, надо поесть. Она будет, – сухо сказал Герман и взял у нянечки поднос.

– Как ты себе это представляешь? Супом я только обольюсь...

– Ты уже сколько не ела? Лучше приподними голову и открой рот.

Вере даже стало интересно, и она послушалась.

Герман старался как никогда. Зачерпывал суп и осторожно подносил ложку-другую, а после пятой стал приговаривать: «Ам-ам».

– Прекрати смеяться, – серьезничал Герман. – До завтра тебя никто в душ не пустит.

Докормил до конца, поставил тарелку и промокнул ее губы влажной салфеткой.

– Ну руки-то у меня работают, – засмеялась Вера.

– Умничать будешь? – усмехнулся он и пошел относить поднос.

Сопалатницы Веры с завистью проводили Германа взглядом и с той же завистью встретили, когда он вернулся и снова сел на край ее кровати.

– Пить хочешь? – Он налил воду в стакан и приладил в него трубочку.

– Ты думал, я умру? – сказала Вера.

– Не знаю, – ответил он. – Неужели ты могла бы вот так вот оставить меня?.. – спросил он, и в голосе было столько обиды, растерянности, сколько могло бы быть у ребенка.

Она покачала головой, что означало «нет», крепко-крепко сжала его руку и поднесла к губам.

– Как хорошо... – прошептала она, и он чувствовал ее горячее дыхание на своей ладони. – Как хорошо, что ты спал...

Он взглянул на нее вопрошающе.

– ...что ты спал, когда к нам в окно залетела синица.

О РАССКАЗЕ АННЫ БАРТНОВСКОЙ «МАЙЯ И ИЕРОНИМ»

Это рассказ не о любви, а о том зыбком, ускользающем от определений чувстве, которое мы называем влюбленностью. Влюбленность может перейти в любовь, но не этим измеряется ее ценность; она — не обязательное условие любви и не предисловие к ней, которое нельзя пропустить. Она важна сама по себе, независимо от того, будет ли у нее продолжение. Трудно написать о ней без фальши, но Анна Бартновская сумела это сделать, причем ей удалось очень тонко, очень деликатно передать и чувственную сторону этого душевного парения. Здесь нет каких-то ярких метафор или нарочитой исповедальности, нет игры ума, хотя ум автора чувствуется постоянно: выразить эти тончайшие ощущения неумный человек не способен. У героини они нежные, смутные, погруженные в туман, но сам этот туман описан ясно, насколько вообще можно его описать, как и обстановка, в которой он возникает. Бассейн, душ, закуток, где занимается студенческий кружок востоковедов, — все вполне реалистично, без претензий на многозначительность, и в то же время в рассказе совсем молодого автора уже заметны черты настоящей прозы: индивидуальный взгляд на мир, самоирония, точность деталей, чувство языка и та слитая с эмоциями словесная музыка, которую мы за неимением лучшего определения называем лирической стихией.

Леонид Мезфович